
**К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
КЛАССИКА РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ АЛЕКСЕЯ
МАКСИМОВИЧА ГОРЬКОГО**

Евгений Трещев

(г. Щекино, Тульская область)

ПРЕДВЕСТНИК БУРИ

Трещев Евгений Иванович — лауреат литературных премий имени Л. Н. Толстого и А. Г. Лаврика, лауреат и дипломант литературных конкурсов и фестивалей. Член Союза писателей России. Действительный член Петровской Академии наук и искусств. Почетный работник общего образования РФ. Почетный работник газовой промышленности РФ. Почетный учитель. Почетный гражданин Чернского района Тульской области. Инженер, поэт, прозаик, литературовед, краевед. Автор 28 книг, в том числе двух учебников «История родного края» для 7 и 8 классов, биографического словаря, учебных пособий по краеведению.

Двадцать восьмого марта 2018 года исполняется 150 лет со дня рождения Максима Горького (Алексея Максимовича Пешкова) — великого русского писателя, творившего на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков. Он был одним из самых издаваемых в СССР писателей. Общий тираж его произведений превышает 240 миллионов экземпляров, уступая в количестве изданных книг только А. С. Пушкину и Л. Н. Толстому. Это большой и сложный художник слова. Талант Горького ставит его в разряд мировых писателей.

«Родился я,— пишет Горький,— 14 марта 1868 или 9-го года, в Нижнем, в семье красильщика Василия Васильевича Каширина, от дочери его Варвары и пермского мещанина Максима Савватиева Пешкова, по ремеслу драпировщика или обойщика. С тех пор с честью и незапятнанно ношу звание цехового малярного цеха» (уточненная по документам дата рождения Горького — 16 марта по старому стилю).

В раннем возрасте он осиротел, познав чувства одиночества, безысходности, отчаяния, унижения и нищеты. В десять лет этот ребенок стал зарабатывать себе на жизнь.

Когда читаешь его воспоминания (повести: «Детство», «В людях», «Мои университеты») просто ужасаешься: сколько там драк и зуботычин, убийств. Преступники, окружающие его (в том числе близкие родственники), посвящали ребенка во все тайны своего ужасного поведения и ремесла.

Пять лет, начиная с 1891 года, Алексей (часто пешком) странствовал по России, встречаясь с людьми из разных слоев общества. Испробовал множество занятий, в том числе и дело литератора, дебютировав в газете коротеньким рассказом «Макар Чудра». Очень значительную роль в становлении Горького, как журналиста и писателя, сыграл известный уже в то время писатель Короленко.

«Я шел босым сердцем по мелкой злобе и гадости жизни, как по острым гвоздям, по толченному стеклу» (М. Горький).

«Сам выйдя из ада, который называется у нас жизнью народной, пройдя все девять кругов мытарств и страдания, полагающихся по законам нашего общества на долю среднего пролетария, М. Горький вынес оттуда крик бездонного горя»,— отмечал В. Боровский.

Горький утверждает в своих книгах, что жизнь большинства его современников ужасна и отвратительна, что нужно устроить себе новую и более справедливую жизнь. Это и сделало его (задолго до революции) революционным писателем. Он с молодых лет называл себя человеком, который «в мир пришел, чтобы не соглашаться». 12 декабря 1887 года в Казани Алексей предпринял попытку самоубийства. Эту историю автор описал в рассказе «Случай из жизни Макара».

В статье «Максим Горький — старая орфография» А. М. Аничкова писала в 1903 году: «Какой-то босяк, Максим Горький, лишенный всякого сколько-нибудь систематического обучения, неожиданно вторгается в священные ряды литературы, внося в них совершенно свежую, новую особенность своих мыслей и своего характера. Ничего настолько исключительного, ничего настолько нового не появлялось после первых романов Толстого».

«Проза Горького поет величаво и тогда, когда доходит почти до рыдания, и тогда, когда дрожит страстным восторгом. И между этими полюсами, в самом плавном и умеренном рассказе, где как будто нет никаких эффектов, речь Горького идет мужественной стопой, красивая, уверенная, как под марш»,— писал А. В. Луначарский в статье «Максим Горький. Литературно-общественная характеристика».

Персонажами его первых рассказов и пьес в основном были воры, бродяги, проститутки. Достаточно вспомнить пьесы: «На дне», «Мещане», рассказы: «Челкаш», «На плотях», «Супруги Орловы». Он не идеализирует их, не скрывает недостатков, пороков, пьянства и хвастовства.

Разнообразные фигуры выписаны им со свойственным автору знанием среды, выпукло и реально. Все, о чем он рассказывает, прошло через его сердце и ум. Все события взяты им из своих собственных походов.

Произведения Горького пышны и нарядны. Под его рукой все освещается то жутким, то сияющим светом, что резко отличает его от других писателей. В них целый мир человеческих переживаний, целая философия и звучат вечные вопросы: добро и зло, человек и общество, любовь и ненависть,

В рассказе «Женщина» описан туляк — мужик Конев, где автор подметил особенность местного (тульского) ударения на последнем слоге.

«Босяки Горького откровенны, никогда не лгут себе. Их тяготит мир привязанностей, и они бегут отсюда на простор, предпочитая жить впроголодь и проголодь, чем жить в тепле и сытом довольстве, но без свободы» (из книги «Корифеи новейшей русской литературы», 1912 г.). Они — колоритны и красочны.

В повести «Трое» представлен богатейший материал для анализа «босяцких» настроений и стремлений. Здесь фигура и поведение Ильи Лунева нарисованы подробнейшим образом, с его психологией, душевными и моральными переживаниями.

«Зачем я рассказываю эти мерзости? А чтоб вы знали, милостивые государи,— это ведь не прошло, не прошло» (М. Горький). Наш мир полон злобы и насилия. Говорить и слышать правду — больно. Но жить можно только с ней.

Все эти босяки (герои произведений Горького) мечутся из стороны в сторону. Им скучно на белом свете. В большинстве случаев они неудачники, «лишние люди», обладающие огромным запасом сил, которым не могут найти достойного применения.

«Жизнь плохая,— возмущается Фома Гордеев. И что вы на жизнь какую-то жалуетесь? Какая жизнь? Человек — жизнь и кроме человека никакой еще жизни нет...»

В такой жизни нет обязанностей и законов, в ней все позволено.

В рассказе «Макар Чудра» главный герой утверждает: «Разве ты сам не жизнь? А другие люди живут без тебя и проживут без тебя. Разве ты думаешь, что ты кому — то нужен? Ты не хлеб и не палка. Смешные они, те твои люди... И все работают. Зачем, кому? Никто не знает».

Один из героев пьесы «На дне» Сатин говорит: «Человек за все платит сам, и потому он — свободен!.. Человек — вот правда! ...Все в человеке, все для человека! Существует только человек, все остальное — дело его рук и его мозга».

И старуха Изергиль проводит ту же философию вольной жизни.

Эта философия составляет фон большинства рассказов и очерков Максима Горького, получив от писателя особую прелесть новизны и жизненной правды. Он вложил в эти произведения самого себя, почти не думая об этом. Мировоззрение писателя зиждется на догмате, что род человеческий болен и его нужно лечить. Он мечтал о «новых людях», свободных и бесстрашных. В нем жило стремление к какой-то счастливой, гордой жизни.

В Горьком таится ненасытный жизнелюбец. Он любит жизнь, любит даже ее темную, отталкивающую сторону. Все равно какая жизнь, лишь бы жизнь! И это находит в человеческом сердце отклик.

Современники отмечали, что его с восторгом читали «и пропавшие, и пропадающие», повторяя — «все в человеке, все для человека».

Художественные дарования писателя разносторонни — он с одинаковым успехом рисует, как пейзажи, так и жанровые картинки, живые портреты людей. Горький всегда любил природу и красоту и не изменял этой любви. Он умел увидеть в человеке то, что определяет его характер. Много писал Алексей Максимович и как публицист, и как критик.

Являясь автором песен в прозе: «Песни о Соколе» и «Песни о Буревестнике», Горький заслужил репутацию «певца российской революции». Разбудил в людях чувство человеческого достоинства. Эти произведения оригинальны, написаны яркими, живыми красками, музыкальны, отличаются большой напевностью. В художественном отношении они просто совершенны. В них заложена энергетическая гармония слов, сотворенная вдохновенным состоянием человеческой души!

«Песня о Буревестнике» — удивительно живая и образная финальная часть рассказа «Весенние мелодии». Рассказ носил ярко выраженный бунтарский характер и содержит неприкрытый намек на приближающуюся революцию.

«Буря! Скоро грянет буря! Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневом морем; то кричит пророк победы: Пусть сильнее грянет буря!»...

«Песня о Буревестнике» стала эффективным средством революционной пропаганды. Сам В. И. Ленин неоднократно признавал огромную ценность этого стихотворения, называя Горького «поэтом революции» и «предвестником бури».

«Песня о Соколе» содержит в себе диалог между раненым Соколом и Ужом. В ней традиционно противопоставляются образы революционера (борца за свободу) и обывателя.

«Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко.— Я славно пожил! ...Я знаю счастье! Я храбро бился! Я видел небо. Ты не увидишь его так близко... Ох, ты, бедняга».

Уж не понимает стремления Сокола взлететь еще хоть раз в небо.
«Смешные птицы! — говорит он. — Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу».

Каждому свое! Так и в нашей жизни.

Но *«блестело море, все в ярком свете, и грозно волны о берег бились. В их лвином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни: безумству храбрых поем мы славу!»* Эти слова от всего бунтующего сердца их автора. Он считал, что человечество «хочет горячей ласки любви или острия боли — скорее, нежели покоя!»

С 1888 года за связь с революционерами он находится под постоянным надзором полиции. Историю своего первого ареста в 1889 году он описал в очерке «Время Короленко».

В отношении Горького к культуре и науке всегда чувствовалось уважение и преклонение. 21 февраля 1902 года его избирают в почетные академики Императорской Академии наук. Это избрание сразу же было аннулировано правительством. Но несмотря на это, Горький становится законодателем литературной моды.

В нашем мире ничего не дается просто так и за все приходится платить. За дарованный свыше талант — плата особая. Мы видим, что в литературе только самопожертвование и крайняя степень сосредоточения приносят творческое счастье и успех.

В начале 1906 года писатель вынужден был покинуть Россию, став политическим эмигрантом. В эмиграции он провел 18 лет, из них пятнадцать лет в Италии.

В революционных событиях в России место живому босяку, ранее воспеваемому М. Горьким, не нашлось, разве что в погромах и грабежах. Но тут надо иметь в виду, что уже в романе «Мать» писатель повернулся лицом к пролетариату.

После свержения монархии в России Горький был избран повторно (20.03.1917 года) почетным членом Академии наук. И дальше до самой смерти он в числе самых-самых, мировая величина.

Высокомерным Горький не был. Уважал чужие творческие успехи. Со многими знаменитыми современниками общался и переписывался.

Алексей Максимович снискал огромное уважение Ленина и других партийных и государственных лидеров нашего государства, деятелей культуры и науки.

Ромен Роллан в 1918 году писал Горькому: «Вы были словно высокая арка, переброшенная между двумя мирами — прошлым и будущим, а также между Россией и Западом».

Ужасно коротка наша память. В последние годы имя Горького часто освещается в негативном свете, как «верного лакея тирана Сталина», которым писатель никогда не был. Легко быть мудрым задним числом. Этим качеством в избытке, кажется, обладают те, кто сам не способен ни к творчеству, ни к деянию, ни к подвигу. Конечно же отношение современного читателя к литературному наследию Горького сегодня заметно изменилось. Отчасти это объясняется тем, что люди хотят читать о современниках, а также изменились личные и общественные обстоятельства. Ведь все со временем исчезает. У каждого поколения свои эталоны доброты и жестокости. Стираются от повседневного употребления даже самые неожиданные метафоры, даже самые мудрые истины. Забываются книги и имена людей, их написавших. Но при всем этом талант Горького не подлежит сомнению. Писатель играл и играет в истории русской литературы исключительную роль по значительному содержанию и высокохудожественной форме своих произведений.

Творчество Алексея Максимовича — результат мучительного искания «правды

жизни» и чувства, вызывающего бурю мыслей и настроений. Писатель целостен в своих мыслях.

«Настоящее искусство,— писал М. Горький,— возникает там, где между читателем и автором образуется сердечное доверие друг к другу».

Горький в разные годы возглавлял три крупных издательства: «Знание», «Парус» и «Всемирная литература».

Скончался он 18 июня 1936 года в Горках Московской области.

Его жизнь и его старость были завидны и прекрасны.

«Неправда, что жизнь мрачна, неправда, что в ней только язвы да стоны, горе и слезы!.. В ней не только пошлое, но и героическое, не только грязное, но и светлое, чарующее, красивое. В ней есть все, что захочет найти человек, а в нем — есть сила создать то, чего нет в ней!» (М. Горький).

Он оставил нам не только силу и свежесть своих произведений, традиции большой литературы, но и свою необычную жизнь. Жизнь поистине гениальную, полную тяжкого труда над собой. Он человек действия, жизни, революционной практики.

Подводя итог, хочу напомнить слова Алексея Максимовича: «До той поры, пока мы не научимся любоваться человеком, как самым красивым и чудесным явлением на нашей планете, до той поры мы не освободимся от мерзости и лжи нашей жизни. С этим убеждением вошел я в мир, с ним уйду из него и, уходя, буду непоколебимо верить, что когда — то мир признает: «святая святых — человек!»»

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

«А КТО В САМАРЕ НЕ БЫВАЛ...»

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова. Лауреат-победитель 4-го, 5-го и 6-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей — 2013, 2014, 2015» и 1-го Международного поэтического Интернет-конкурса «Звезда полей — 2016» им. Н. Рубцова. Лауреат конкурса одного стихотворения-2016 альманаха «Новый енисейский литератор». Стипендиат Министерства культуры РФ. Член Самарской региональной организации РСПЛ и тольяттинского отделения Самарской областной организации СПР.

«Но вот приходит чудо, неожиданное и нежданное: тысячу лет молчавший народ внезапно сам обретает дар речи. Из собственной плоти он сотворил себе уста, из собственного глагола — своего глашатая, из собственной толщи — человека, и этого человека, этого писателя — своего писателя и заступника — он вытолкнул из своего гигантского лона, дабы он всему человечеству подал весть о русской народной жизни, о русском пролетариате, об униженных, угнетаемых и гонимых. ...Родители дали ему имя Алексей Пешков — он назвал себя Максимом Горьким, и сегодня, чувствуя его, это им самим созданное имя с благодарностью повторяет весь духовный мир и все, кто подлинно сознает себя народом в семье других народов, потому что горечь его была благотворительна для целого поколения, потому что голос его стал рупором целой нации, слово его — счастьем и великой милостью для духовной жизни нашего времени».

Это слова из речи выдающегося писателя XX века, классика австрийской литературы Стефана Цвейга, сказанные им на чествовании шестидесятилетия русского, советского писателя и общественного деятеля Максима Горького.

В середине девяностых годов XIX века мир еще не знал имени, знаменитого ныне, писателя Максима Горького. Алексей Пешков только начинает свою биографию: одиннадцати лет идет «в люди», с шестнадцати учится в «университетах», в двадцать три отправляется побродить по Руси, чтобы посмотреть, как живут люди различных классов. Пешком Алексей Максимович исходил все Поволжье, Украину, Бессарабию, Крым, Кавказ. Он наблюдает жизнь, и все больше растет его стремление к писательскому труду. «Макар Чудра» — первый рассказ, появившийся в печати в Тифлисе (Тбилиси), был подписан псевдонимом — Максим Горький. С 1893 года в нижегородских газетах начинают печатать очерки и рассказы Горького. В Нижнем Новгороде судьба свела его с известным русским писателем и публицистом Владимиром Галактионовичем Короленко, который приводит его к мыслям, что труд писателя нелегок и ответственен, требует настойчивой и упорной работы над собой.

По совету Владимира Галактионовича Алексей Пешков в 1895 году уезжает в

Самару. Отъезд его воспринимается больше похожим на бегство от полуголодного существования и случайных заработков, от тщетных попыток пробиться в петербургские или московские журналы. Да и в личной жизни надоели ему мучительные отношения с Ольгой Каминской, которая была старше его на восемь лет, и уже имела до встречи с Алексеем Пешковым опыт двух замужеств.

К концу XIX века Самара считалась достаточно развитым городом. «Губернский город на левом берегу Волги, при устье реки Самары, 95216 жителей, торговля хлебом, салом, шерстью, лошадьми, сырыми кожами; 10 крупных мельниц, размалывается до 10 млн. пудов (преимущественно пшеницы), 8 банковских учреждений, 38 церквей, 63 училища (10 средних учеб. завед.). Пристань Самары — одна из лучших на Волге, склад лесных материалов» — это описание Самары в статье Малого энциклопедического словаря, издания Брокгауза и Ефрона, С.-Петербург, 1909 года. Судя по приведенным фактам, дырой Самара вовсе не числилась в государстве Российском.

Но это, так сказать, официальный источник. А вот какие впечатления оставляла Самара при посещении у различных людей в последнее десятилетие XIX века.

«Пошли погулять по городу. Город хоть куда. Единоверческая церковь, оригинальное пение очень мне понравились. Мы достаточно долго останавливались в различных попутных городах, чтобы составить себе о них понятие. Больше всего мне понравилась Самара», — так отзывался о Самаре крупнейший русский композитор П. И. Чайковский в 1887 году.

А в 1902 г. свое мнение оставил известный русский и советский живописец К. С. Петров-Водкин: «...Более живописными улицами были поперечные, сбегавшие к Волге, дикие водопады грязи рвались неудержимо по ним весной вниз, к замусоренной набережной, которые прорывались, а которые задерживались, образуя на нижних улицах запасы влаги на летний период. Эта стихия, плюс тучи едкой пыли, завивавшиеся от вокзала и оживленно вертевшиеся до памятника и оттуда до театра, придавали приятную жизненность городскому пейзажу, в обычное время довольно тусклому».

Алексей Максимович выразил свое отношение к Самаре не сразу, а рассмотрев ее и немного пожив, — «Кто в Самаре не бывал, тот и грязи не видал. Смертный, входящий в Самару с надеждой в ней встретить культуру, вспять возвратится, город сей груб и убог: ценят здесь только скотов, знают цены на сало и шкуру, но не умеют ценить к высшему в жизни дорог. Самара — город, преданный анафеме».

Вот в этот город и посоветовал Короленко уехать Алексею Пешкову, зная и понимая, что здесь он будет и зарабатывать, и общаться с разными людьми.

Восьмидесятые и девяностые годы позапрошлого века характеризовались бесконечными судебными процессами над молодежью и студентами, которые после отсидки в тюрьмах лишались гражданских прав и не имели возможности возвратиться в столичные университеты. Поэтому в Самаре образовалась довольно большая группа таких людей, о чем, вероятно, знал Короленко. Общение с ними могло пойти на пользу Алексею Пешкову. Да и культурное развитие Самары было достаточно широким. В городе был свой театр, музыкально-драматическое общество, коммерческий клуб, выпускались газеты. В одну из них под названием «Самарская газета» Горький и был принят по рекомендации Владимира Галактионовича.

Несколько ниже я буду вставлять курсивом цитаты из рассказа, написанного Максимом Горьким, уже познавшим Самару. Рассказ озаглавлен «Самара во всех отношениях. Письма одного странствующего рыцаря». Уже только одно это — «странствующего рыцаря» — подтверждает то, что Горький в Самаре чувствовал себя временщиком, ни к чему не привязанным, ни к чему не обязанным. Читая письма странствующего Алексея Пешкова, я увидел и услышал другого писателя, не того, каким я

знаю его по циклу рассказов «По Руси», по его пьесам, по повестям, по роману «Мать».

«Письма странствующего рыцаря» написаны Максимом Горьким резко и зло, я бы даже сказал, злобно и язвительно. Чувствуется в них ненавистное отношение его ко всему самарскому быту. Думаю, оно появилось у него уже с того момента, когда пришлось оставить Нижний Новгород. Оставить не по своей воле, переправившись через Волгу с правого берега на левый. И что же он увидел в Самаре?

«...Прежде всего в Самаре бросается в глаза общий характер ее архитектуры. Тяжелые, без каких-либо украшений, тупые и как бы чем-то приплюснутые дома заставляют предположить, что и люди, живущие в них, тоже тупы, тяжелы и приплюснуты жизнью.

Затем, всматриваясь в прохожих на улице, видишь, что большинство из них представляют собою субъектов, одетых в звериные шкуры, крытые темными сукнами, и что они обладают особым устройством носами, сразу останавливающими на себе взгляд внимательного наблюдателя.

...Особо алчный блеск глаз и острота взгляда поддерживает ваше предположение, и, присмотревшись к действиям и прислушавшись к разговорам сих субъектов, вы, к сожалению вашему, убеждаетесь в своей правоте. Затем вам предстоит выбрать одно из двух по вашему усмотрению: или возвратиться вспять туда, откуда вас швырнуло в этот до тошноты правильно распланированный город, или же остаться в нем и ожидать, когда его аборигены обратят на вас внимание и сделают вам честь, пожрут вас под пикантными соусами клеветы и сплетни.

Здесь — как и везде, впрочем, — очень любят эти соусы и кушают с ними человека как в том случае, если он не придется по вкусу, так и в противном».

Русский советский писатель первой половины XX века Алексей Николаевич Толстой так характеризует приезд молодого Горького в Самару: «Люди рано старели, городской обыватель тихо спивался, плакал о несбывшихся мечтах, ходил в туфлях. Из бродящего теста жизни выпирали чудачки, каких прежде не бывало. В Самаре на главной улице похаживали со свинчаткой слободские «горчишники», пошаливали за речкой Самаркой. Оборванцы на пристанях стали дерзкими, пели такие страшные песни, что мирный обыватель едва уносил ноги. ...И вот молодой Горький, никому не известный журналист, писавший в «Самарской газете» под псевдонимом Иегудил Хламида плохие фельетоны, — так как они были не его делом, — сказал это слово... Он сказал о бунте гордого Человека, у которого дом — вся земля под звездной крышей.

В блестящих, свежих, как сквозняк, хмельных, как молодое вино, торопливых, иной раз совсем сырых рассказах, он звал к абсолютной свободе, — прочь из проклятого мещанского болота.

«Она также более грязна, пыльна и пахуча, чем, например, Казань и Астрахань; у нее более скверные мостовые, чем в Нижнем и Ярославле; она более неподвижна и более преисполнена косностью к умственным интересам, чем Симбирск, город удивительно сонный и тихий, точно умирающий от старческого маразма.

Я наскоро перечислил то, чего она имеет более других городов, и весьма возможно, что просмотрел еще несколько ее преимуществ пред ними.

Но это ничего — мы еще сосчитаемся! А теперь я укажу на то, в чем она равна с другими.

В ней в течение года, до введения винной монополии, выпивалось водки столько же, если не больше, сколько ее выпивает за этот срок Нижний с Кунавиным и ярмаркой, и в ней такие же дикие нравы, как и в столице Башкирии — Уфе. А сколько она пьет водки теперь, я еще не подсчитал.

Засим — она не имеет ни одного порядочного книжного магазина; в тех же двух,

что у нее есть, продавцы предлагают вам заменить требуемую вами книгу гуттаперчевым кольцом, которое покупают детям, когда у них режутся зубы, погремушкой или чем-нибудь другим в этом роде».

Судя по словам Толстого, работа в «Самарской газете» для Горького была занятием неинтересным. Это — заработок. Хотя наблюдения, сделанные им в процессе собирания и подготовки материалов для статей в газете, давали ему неоспоримую помощь для его рассказов, пьес. По воспоминаниям самарских литераторов, Горький признавался, что в Самаре он родился как писатель. Но так ли это на самом деле?

Ведь в то время у Горького, жившего в Самаре, конечно, никакой репутации, а тем более известности не могло и быть. Все, с кем он общался, были выходцами из дворян, или образованными людьми с родословной. А кто он? «Из людей», из «босяков». На фотографии, сделанной в самарский период жизни Горького мы видим его в сапогах, с палкой. «Он носил на плечах широкую черную хламиду, на голове — шляпу с обвисшими полями, в руке — увесистую «ерлыгу» чабанов, степных пастухов. Обыватели Самары дивились этому вызывающему наряду» (С. Т. Григорьев).

В общем, вид странный. К нему так и относились в «Самарской газете». Слава его во многом была переосмыслена в советское время, и мифы создавались в советское время. А обывателям в те годы никакого не было дела до того, кто пишет фельетоны в газете.

Был такой заводчик Лебедев, который владел небольшим чугунно-меднолитейным заводиком на улице Уральской (ныне братьев Коростелевых). О том, что на заводе станок раздробил мальчику палец, Горький пишет фельетон, еще и указывает, что заводчик ни много, ни мало — негодяй. Лебедев посылает в «Самарскую газету» ответ, в котором разъясняет, что он не должен смотреть за каждым мальчиком, а на приукрашившего ситуацию и раздувшего ее до городских масштабов Горького Лебедев не обратил внимания. Своим письмом он обратился к редактору газеты, заявив, что не желает говорить с босяком, потребовав при этом написать опровержение. Конечно, и власти Самары не могли всерьез смотреть на рядового сотрудника газеты Алексея Пешкова, поэтому и не могло быть серьезного противостояния. Может быть, такое пренебрежение властей и озлобляло Горького.

«Грамотные люди читают две местные газеты и даже пишут в них... опровержения; некоторые, впрочем, еще не написали, но уже собираются. Вообще местный обыватель очень капризно, а иногда и подозрительно относится к газетам.

Сообразно с своим настроением он то требует, чтобы газеты были серьезны, то ищет в них веселой игривости, то хочет, чтобы они его научили чему-нибудь хорошему и полезному,— но крайне трудно определить его взгляд на хорошее и полезное».

И ни в каких марксистских кружках он не состоял. Этому подтверждением слова Екатерины Павловны Пешковой о том, что с самарскими марксистами его ничто не связывало.

Уже намного позже некоторые самарские писатели выстраивали свой творческий капитал на публикациях воспоминаний о Горьком. И мне показались интересными факты, приведенные доктором филологических наук, старшим научным сотрудником Самарского литературно-мемориального музея им. М. Горького Михаилом Перепелкиным. В интервью журналисту Илье Сумарокову он говорит о том, что советские воспоминания о Горьком — это мифы на 90 процентов. (Сайт «Самарская губерния. (История и культура. «Бегство в Самару и из Самары»)).

Все началось с конца тридцатых годов прошлого столетия, когда в стране открылась официальная кампания по увековечиванию памяти об Алексее Максимовиче Горьком. Самарские писатели занялись сочинительством историй о писателе. Снача-

ла составили «список» людей, с которыми Алексей Максимович «общался» все пятнадцать месяцев, которые он провел в Самаре. По этому списку самарскими писателями были написаны за них воспоминания, которые потом и легли в основу общей картины проживания Горького в Самаре. Один из случаев. В «Самарской газете» работала некая Евгения Семеновна Иванова, заведовала конторой редакции газеты. В конце тридцатых она уже находилась в преклонном возрасте, к ней принесли текст воспоминания и сказали: «Вот Ваши воспоминания, ознакомьтесь и подпишите». Прочитала, подписала. И вот Горький в Самаре — завоевывающий признание писатель, великодушный и щедрый человек... А через десять лет в город Куйбышев приехала Екатерина Павловна Пешкова, первая жена писателя, и потребовала от Ивановой признать, что все ее воспоминания выдуманы.

Ну разве мог Горький, находясь временно в Самаре и зная об этом, выстраивать какую-то стратегию взаимоотношений с местными. Ведь он вел обыкновенную жизнь — ходил на собрания интеллигенции, рыбачил, и, конечно, работал, работал, работал. Летом 1895 года Максим Горький с местными ребятами совершил поход на лодках по знаменитой Жигулевской кругосветке. Причем плавание состоялось в обратном направлении, то есть плыли они против течения. Об этом походе написал один из его участников С. Т. Григорьев в повести «Кругосветка», которая была напечатана в 1946 году в издательстве «Московский рабочий».

«Затем, в Самаре есть несколько обществ, преследующих самые разнообразные цели, — от развития трезвости до поощрения высшего образования. Председателем всех местных обществ состоит человек, который видит свое земное назначение именно в председательстве, и с этой целью он устраивает ежегодно по три и по четыре новых общества. Ввиду громадности его деятельности таковая может быть оценена по заслугам только после его смерти, и мне говорили, что в городе есть масса людей, готовых с полным удовольствием и хоть сейчас написать хвалебный некролог этого деятеля».

В Самаре судьба сводит Алексея Максимовича с Екатериной Павловной Волжиной, работавшей корректором в «Самарской газете». А в мае 1896 года Горький вынужден уехать в Нижний Новгород. Его позвали освещать знаменитую по тем временам нижегородскую ярмарку, пообещав соответственно приличный гонорар. Да и к тому времени Самару он узнал и все про нее понял, с людьми, которых здесь встретил, познакомился. Что еще ему оставалось делать?

Но ведь Горький встретил женщину, которую полюбил... Поэтому он продолжает переписываться с Екатериной Павловной и, получив от нее согласие стать его женой, приезжает на несколько дней в Самару. И в день приезда, вечером 30 августа, в Вознесенском соборе на улице Степана Разина их венчал протоиерей Валериан Лаврский. С протоиереем заранее договорились покровители Горького, друзья В. Г. Короленко, Карл и Мария Позерны. Ведь Алексей Максимович был отлучен от церкви за отчаянный поступок, когда в декабре 1887 года, на последние гроши купив револьвер, он выстрелил себе в грудь. Поэтому таинство брака Алексея Пешкова и Екатерины Волжиной было совершено тайным образом, поздним вечером.

Многие писатели, знавшие Алексея Максимовича по самарскому периоду жизни (С. Т. Григорьев, Я. Л. Тейтель, А. А. Смирнов), утверждали, что только встреча Алексея Пешкова с Екатериной Волжиной сделала из него Максима Горького. Это можно было бы отнести к очередному мифу советского времени, если бы не свидетельство самого Горького, содержавшееся в письме, которое было написано им Екатерине Павловне на Капри 28 апреля 1907 года: «...кажется — я первый, кто удостоился такого отношения от женщины, как твое ко мне». Письмо это было обнародовано в шестидесятые годы прошлого века, лишь после смерти Екатерины Павловны Пешковой, которая всю жизнь берегла его от посторонних глаз.

Что касается литературной работы, то здесь опять появляются мифы, рассказывающие о том, что в Самаре Горький опубликовал впервые свою знаменитую «Песню о Соколе». Но во всех библиографических справочниках обозначена совсем другая дата написания этого произведения — 1899 год. В 1895 году Горьким написаны рассказы «Старуха Изергиль» и «Челкаш». В Самаре основной литературной работой было написание фельетонов. Из-под его пера выходят такие, как «Вывод», «Маленькая», наиболее известные из них. Систематическая работа в газете заставляет Алексея Максимовича пристально всматриваться в жизнь, в ее движение, он учится отличать главное от второстепенного, замечать в житейских мелочах их сущность, оценивать факт и правильно его изображать. Он учится пониманию того, что далеко не все в жизни заслуживает ненависти и отвращения. Пристально вглядываясь, всегда можно обнаружить светлое в людях, влачащих самое страшное и бессмысленное существование. Горький понимает многообразие жизни, ее противоречия, ее сложное сплетение прекрасного и уродливого, злого, доброго, лживого и истинного.

В Самару Горький приехал уже с готовыми сюжетами, которые составил для себя еще в Нижнем Новгороде, потому без особого интереса пытался узнавать город. Самару он не знал и не чувствовал, а нижегородский быт и жизнь людей он познал с детских лет, там все было для него родным, воспринималось безотчетными движениями души.

А в «Самарской газете» ему надо было зарабатывать на жизнь. Платили, конечно, меньше, чем московским журналистам, но получаемых денег хватало на плату за квартиру, на книги, даже на одежду хватало. Горький никогда не думал, что будет жить в Самаре, просто приехал на заработки, залечить душевную травму. Встретил новую любовь и начал активно задумываться и искать другое место для жизни, для писательской деятельности.

«И прошу не заподозрить меня в неискренности писания моего; нет у меня здесь врагов, которым я хотел бы мстить, и друзей, которым мог бы я мирволить, не имею здесь.»

"Пишу, не мудрствуя лукаво"... И не столько ради чьего-либо поучения пишу, сколько ради того, что сие есть потребность бродячей природы моей.

А также и потому еще пишу, что люблю иметь дело с бумагой, потому что она всегда чище людей».

Потом, после Самары, вернувшись в Нижний Новгород, он развернет писательскую деятельность, где в течение семи с лишним лет будет развиваться литературное дарование Алексея Максимовича с каждым новым произведением.

«Благодаря книгам Горького мы можем по-братски понять Россию как близкий, родственный нам мир, без отчужденности, без внутреннего сопротивления, а это и есть наивысший долг писателя — разрушить преграды между людьми, далекое сделать близким и объединить народы с народами, сословия с сословиями в конечном всечеловеческом единстве.

Тот, кто знает произведения Горького, знает русский народ наших дней...»

Как остро и современно звучат слова Стефана Цвейга, сказанные им ровно девяносто лет тому назад!

Михаил Майоров
(г. Тула)

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ТУЛА: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

Михаил Владимирович Майоров родился 2 октября 1967 в Туле. Тульский краевед, литературовед, некрополист, экскурсовод, лектор. В 1984 окончил тульскую школу № 15. В 1984—1986 гг. обучался на факультете иностранных языков ТГПУ имени Л. Н. Толстого; с 1986 по 1988 служил в погранично-танковых войсках ВС СССР; с 1988 по 1990 — обучался на филологическом факультете того же вуза, с 1990 по 2008 работал в сфере библиотечного дела, музеях и прессе. Писатель-документалист, издатель, организатор конференций, акций по поддержке культуры, таких, как участие в реконструкции Николо-Кочаковского некрополя под Ясной Поляной, увековечение памяти Б. Л. Пастернака в Туле, усилия по сохранению древнейшего памятника на территории Тульской области — капища в Каменском районе и старинных тульских кладбищ. В 2008 участник организации масштабной выставки «История рода Толстых — история России». Вместе с сотрудниками толстовских музеев подготовил к печати свод биографий дворян и графов Толстых (в печати). Составитель и главный редактор Тульского биографического словаря: новая реальность (М.: «Минувшее», 2017, ил., в 3-х тт.). Готовится к изданию 4-й том.

Академический театр драмы и сразу несколько улиц в Туле носят имя писателя Максима Горького. При этом иногда употребляется неверный псевдоним «А. М. Горький». Такого человека никогда не существовало. Были реальный Алексей Максимович Пешков (16(28).3.1868, Нижний Новгород — 18.6.1936, Горки-10 Московской области) и литератор Максим Горький. В чем же, собственно, заключается та связь Горького с тульскими местами и обывателями, на которую указывают местные справочные издания?

Начиная с девичьей фамилии матери — Каширина — пытливый взор краеведа обращается к бывшему тульскому уездному центру Кашире, однако ничего там «горьковского» не находит. Это обычная оттопонимная фамилия, каких в России в изобилии. Тем не менее, ощущение от какой-то незримо связующей Горького и наш край нити сохраняется — и не даром. В первом десятилетии XX века он действительно побывал в Тульской губернии, но основным мотивом визитов стали встречи с Л. Н. Толстым. От них отталкивается все то литературоведение, которое когда-то увлеклось сбором сведений обо всех знаменитых посетителях Ясной Поляны и гостей Толстого «на выезде», например, в Гаспре. Там-то как раз и бывал Горький. Двойной памятник писателям до сих пор стоит у дороги под Ялтой.

«Тульский биографический словарь» счел нужным указать на встречи Горького с Толстым не только в Ясной, но еще и в Крыму, словно Толстой — это исключительно тульская тема. Если здесь говорить не о личных встречах Горького и Толстого, а

лишь о связях Горького с тульской землей, ракурс будет несколько иным. Прежде всего, это отражение писательских впечатлений в произведениях, причем без притягивания посещений Горьким нашего края. Эти артефакты невозможно раскрыть, если не привести целиком выдержку из путевого очерка.

Тульские черты ощутимо просвечиваются в поведении персонажей рассказа «Женщина», впервые напечатанного в «Вестнике Европы» (1913, кн. 1, с. 5—32) и сначала носившего заголовок «По Руси (Из впечатлений "проходящего")». Ярче остальных Горькому запомнился уроженец, скорее всего, Алексинского уезда, в котором две несчастные героини надеялись встретить наконец-то настоящего человека — надежного и не такого, как все. Однако, по замечанию самого писателя, на протяжении того самого путешествия мужиков повстречалось «много, а людей вот нет».

«Все это "русские" — из центральных губерний, они дочерна сожжены непривычным солнцем юга, волосы их выгорели, ветер ершит и треплет их лохмотья, все они притворяются смиренными, благочестивыми — устали от трудов, от неудач жизни и вот — сошлись сюда <...> Ниже и вычурнее других кланяется казакам туляк Конев, мужик сухой, обгорелый, точно головня, с черной бородкой, беспечно рассеянной по костлявому лицу, с ласковой улыбочкой темных глаз, глубоко спрятанных в орбиты.

<...> Конев — старый знакомый мой, по пути из Курска до Тверской области я неоднократно встречал его. Он — человек «артельный», любит держаться среди людей, но, кажется, лишь потому, что очень труслив. На всех точках земли вне своей деревни, прижавшейся где-то к пескам Алексинского уезда, он убежденно говорит всегда одно и то же:

— Действительно, земля тут богатая, а с людьми я не согласен... никак! В нашем краю народ куда те душевнее, настоящий русский народ, равенья нет со здешним! Тут — кремни, тут душй и на трешник нет!

Он любит тихо и задумчиво рассказать чудесный случай неожиданного обогащения:

— Вот — в подковы ты не веришь, а я те скажу — нашел один ефремовский мужик подкову, а недели через три за этим дядя его, лавошник в Ефремове — со всею семьею и сгори,— видал? Все наследство — мужику этому попало,— да! Нет, ты не бай, чего не знаешь: судьба человека жалеет, она его часто с добром стережет...

Его черные, круто изогнутые брови всползают высоко на лоб, а глаза изумленно выкатываются из орбит, точно Конев и сам не может поверить в то, что рассказал.

Когда казак пройдет, не ответив на поклон, Конев смотрит в спину ему и ворчит:

— Заелся, не видит даже человека... Нет, я прямо скажу: суходушный народ!..

С ним — две женщины; одна — лет двадцати, коротенькая, толстая, со стеклянными глазами и полуоткрытым ртом. У нее лицо дурочки: нижняя часть его, с обнаженными зубами, как будто смеется, а когда взглянешь в неподвижные глаза под низким лбом — кажется, что она сейчас заплачет, испуганно и визгливо, точно кликуша.

— Отпустил он меня сюды с чужими людьми,— жалуется она басом, засовывая коротким пальцем под зеленый и желтый платок выгоревшие волосы.

Толсторожий скуластый парень с маленькими глазками монгола толкает ее локтем в бок, сипло и лениво говоря:

— Бросил он тебя. Только ты его и видела...

— Да-а,— задумчиво тянет Конев, разбираясь в своей котомке.— Теперь баб очень просто покидают, ни к чему они в этом годе, нипочем...

Баба морщится, испуганно мигая, растягивает рот,— ее подруга говорит бойко и внятно:

— А ты не слушай их, озорников...

Она постарше лет на пять, и лицо у нее не обычное: большие темные глаза все

время играют, почти каждую минуту меняя выражение: то они пристально и серьезно смотрят куда-то вдоль станичной улицы и в степь, где летает ветер, вдруг торопливо начинают искать чего-то на лицах людей, потом тревожно прищурятся, по красивым губам пробежит улыбка,— женщина, опустив голову, прячет лицо, а когда вновь поднимает его — глаза у нее новые: сердито расширены, между тонких бровей лежит угловатая складка, запекшиеся губы аккуратного рта плотно и упрямо сжаты, она шумно, как лошадь, втягивает воздух тонкими ноздрями прямого носа.

В ней чувствуется что-то не крестьянское: из-под синей юбки высунулись потрескавшиеся ступни ног — это не деревенские растоптанные ноги, подъем их высок, заметно, что они привыкли к башмакам. Она чинит голубую с белыми горошинами кофту, и видно, что работать иглой привычно ей,— небольшие загорелые руки мелькают над измятой материей ловко и быстро. Ветер хочет вырвать шитье из этих рук и не может. Сидит она согнувшись, в прореху холщовой рубахи я вижу небольшую крепкую грудь,— грудь девушки, но оттянутый сосок говорит, что предо мною — женщина, кормившая ребенка. Среди этих людей она — точно кусок меди в куче обломков старого, изъеденного ржавчиной железа. <...> эта женщина будит фантазию, заставляя догадываться о ее прошлом, и невольно я создаю какую-то сложную историю человеческой жизни, раскрашивая эту жизнь красками своих желаний и надежд. Я знаю, что это ложь, и — знаю — худо будет мне со временем за нее, но — грустно видеть действительность столь уродливой.

<...> Скуластый парень неподвижно остановил на молодой бабе в зеленом платке свинцовые белки с мутными, точно у слепого, зрачками, срывает серые былинки, жует их, как теленок, и, засучив рукав рубахи по плечо, сгибает руку в локте, косясь на вздувшийся мускул.

Неожиданно он спрашивает Конева:

— Хошь — дам раза?

Конев задумчиво посмотрел на кулак — большой, как пудовая гиря и словно ржавчиной покрытый,— вздохнул и ответил:

— Ты себя по лбу вдарь, может, умней будешь...

Парень смотрит на него сычом, спрашивая:

— А почему я дурак?

— Наличность доказывает...

— Нет, постой,— тяжело поднявшись на колени, придирается парень.— Ты отколь знаешь, каков я?

— Губернатор ваш сказывал мне...

Парень помолчал, удивленно посмотрел на Конева и спросил:

— А какой я губернии?

— Отвяжись, коли забыл.

— Нет, погоди! Ежели я тебя вдарю...

Перестав шить, женщина повела круглым плечом, как будто ей холодно стало, и ласково осведомилась:

— А в сам-деле — какой ты губернии?

— Я? Пензенской,— ответил парень, торопливо перевалившись с колен на корточки.— Пензенской, а что?

— Так...

Женщина помоложе странно засмеялась подавленным смехом.

— И я...

— А уезда?..

— А я и по уезду — Пензенская,— не без гордости сказала молодуха.

Сидя перед нею, точно перед костром, парень протягивал руки к ней и увещивающим голосом говорил:

— У нас город — хорош! Трактиров, церквей, домов каменных... а в одном трактире — машина играет... все, что хошь... все песни!

— И в дураки тоже играет,— тихонько бормочет Конев, но, увлеченный рассказом о прелестях города, парень уже ничего не слышит, шлепает большими влажными губами и, как бы обсасывая слова, ворчит:

— Домов каменных...

Женщина, снова оставив шитье, спросила:

— И монастырь есть?

— Монастырь?

Свирепо почесав шею, парень молчит, потом сердито отвечает:

— Монастырь! Я дотошно не знаю... я один раз в городу-то был, когда нас, голодающих, железную дорогу строить гнали...

— Эхе-хе,— вздохнул Конев, вставая и отходя. Люди прижались к церковной ограде, как сор, согнанный степным ветром и готовый снова выкатиться в степь на волю его. Трое спят, некоторые чинят одежду, бьют паразитов, нехотя жуют черствый хлеб, собранный под окнами казачьих хат. Смотреть на них скучно, слушать беспомощную болтовню парня досадно. Старшая женщина, часто отрывая глаза от работы, чуть-чуть улыбается ему, и хотя улыбка скупенькая, она раздражает меня, и я иду за Коневым. <...>

— Бабеночка-то? — мечтательно спрашивает Конев, прислонясь к стволу тополя и обняв его рукою.

— Откуда она?

— Говорит — рязанская, а звать — Татьяной...

— Давно с тобой ходит?

— Не-е... кабы давно! Седни утром встрелась, верст за тридцать отсюда... с подругой, с этой. Да я и ране видал ее, около Майкопу, на Лабереке, в косовицу. В ту пору был с ней мужик пожилой, бритый, вроде бы солдат, не то любовник ей, не то дядя. Пьяница, драчун. Там его за три дня дважды били. А теперь вот идет она с подругой этой. Дядю-то посадили в казачью тюрьму, как он шлею и вожжи пропил...

Конев говорит охотно, но — как бы додумывая какую-то невеселую думу. Он смотрит в землю. Ветер треплет его рассеянную бородку и рваный пиджак, срывает с головы картуз — измятую тряпицу без козырька, с вырванной подкладкой,— картуз этот — точно чепчик и придает интересной голове Конева смешной бабий вид.

— М-да-а,— сплюнув, сквозь зубы тянет он,— приметная бабеночка... рысак, просто сказать! Нанес чорт толстомордого этого... у меня бы с ей, глядишь, дела наладились хорошие, а он... пожалуйста! Пес...

— Ты говорил — у тебя жена есть...

Конев метнул в лицо мне сердитый взгляд и отвернулся, ворча:

— Али я жену в котомке ношу?

Площадью идет кособокий усатый казак, с большими ключами в руке,— в другой у него смятая фуражка вперед козырьком. За ним, всхлипывая и вытирая глаза кулаками, плетется кудрявый мальчик, лет восьми, и шершавая собака,— морда у нее унылая, хвост опущен, должно быть — тоже обижена. <...> Вид у нее ко всему привычный, и она похожа на Конева, только старше.

— Ты вот сказал — жена,— тяжело вздыхая, говорит Конев,— конечно... ну,— не всякая болезнь — до смерти!.. Женили меня девятнадцать лет...

Остальное я знаю, слышал эти рассказы неоднократно, но мне лень остановить Конева, и в уши назойливо лезут знакомые жалобы.

— Девка сытая, на любовь охочая. Пошли-посыпались дети, вроде бы тараканы с полатай.

Ветер становится тише, уныло шепчет о чем-то...

— Оглянуться не успел, а их — семеро, и все живут, — на тебе! А всего заводу было тринадцать — к чему это? Теперь считай: ей сорок два, а мне сорок три, она — старуха, а я — вот он! Я еще веселый. Одолела меня бедность-нищета, старшенькая девчоночка моя зиму эту в кусочки ходила — что поделаешь? А я — по городам шлялся, ну — там для нас одно дело: гляди да облизывайся! Прямо — вижу, не хватит меня, — плюнул на все и — пошел...

Сухонький, стройный этот человек не позволяет думать, что он работал много и любит работать. Рассказывая, он не жалуется, говорит просто, как бы вспоминая о ком-то другом...» [4].

Рассказ «Женщина» должен вызвать определенный интерес у филологов: автор употребляет форму фамилии Конев с ударением на последнем слоге, переводящим ее в «Конев», что в принципе нелепо для других регионов, но вполне приемлемо для тульского. Иначе говоря, Горький подметил местное произношение, подтверждаемое множеством иных фамильных прозвищ. Для туляка проще простого произнести «Александрóв» и «Иванóв» вместо «Александров» и «Иванов». В моей личной практике встречались случаи, когда одну и ту же фамилию по-разному употребляли близкие родственники: старшее поколение говорило «Груданóв», последующие: «Грудáнов». Этот едва замечаемый этнолингвистический элемент придает рассказу Горького еще большее значение, чем, например, упоминание жителей Ефремова с его уездом, о котором в местных газетах писали тамошние краеведы (я не располагаю точными ссылками на эти издания).

Что же до знаменитых встреч и диалогов с Толстым [5], то это уже слишком подробно рассмотрено и изучено в науке, хотя некоторые моменты в силу «неловкостей» (нелестных отзывов Толстого о подавляющем большинстве гостей) специально опускались и лишь благодаря свободе девяностых удалось прочитать несколько больше того, что указывали прежние ревнители сохранения дутых авторитетов во имя «патриотического воспитания». Впервые Горький прибыл в Ясную Поляну 8 октября 1900. Затем бывал не раз, поэтому большое внимание ему уделяет Душан Петрович Маковицкий во всех четырех томах «Записок». По итогам разговоров с Толстым Горький составил книжку дневниковых записей под названием «Заметки», по жанру весьма напоминающую те же «Яснополянские записки» Маковицкого. В записях Горького прежде всего обращает на себя внимание почти полное отсутствие его мнения о толстовских высказываниях, а было бы любопытно узнать, с чем Горький соглашался и с чем нет. Чувствуется, что, находясь внутри ауры Ясной Поляны, Горький, как и очень многие посетители, временно переставал принадлежать себе и терял индивидуальность. Это вполне объяснимо.

Максим Горький, писатель, издатель и общественный деятель, всю жизнь жаждавший правды и одновременно ее ненавидевший, собиравший фольклор и открыто, во многом справедливо презиравший народ, «окающий» интеллигент в первом поколении, неизвестно зачем вернувшийся на родину, чтобы предать репутацию честного «буревестника» и автора «Несвоевременных мыслей», — этот Горький еще долго станет будоражить воображение современных исследователей, не могущих ответить на вопрос: он один из архитекторов репрессивного режима или жертва? Достоин ли его имя увековечения в каждом городе и в названиях посторонних ему учреждений вроде Тульского театра драмы или, что совсем уже смешно, картофельного сельхозпредприятия в той же Тульской области? Однако следует понимать, что внутренняя противоречивость, ставшая, к несчастью для Горького, катализатором его личной трагедии, — это нормальное для творческого человека состояние. Иное дело — что Горького раз и навсегда возвели в основоположники соцреализма, который

давно сам себя уничтожил. Кстати, Горький — чуть ли не единственный советский писатель, которого довольно легко читать. Но это можно объяснить дореволюционной школой. А вот выдернутость его из компании «подмаксимовиков», в которую неформально входили связанные с тульским краем Л. Н. Андреев, И. А. Бунин (а позже горьковские традиции безуспешно пытался проводить в литературу Артем Веселый), это совсем не радует, как и любая иная типично русская избирательность, когда, проще говоря, цепляются за кого-то одного, чтоб недолго думать, согласиться с предложением об увековечении и идти скорее домой, а через много лет потомки задают тупиковый вопрос: а почему именно Горький? Бунин-то ведь и Куприн лучше писали. Отвечать на это просто нечего, иначе придется рассказывать всю историю советской власти и объяснять мотивацию отбора имен для «вечной памяти».

Я очень сомневаюсь в необходимости ношения сразу несколькими улицами имени Горького*, тем более что это вызывает путаницу во многих серьезных ситуациях, но, насколько приходится наблюдать, абсолютно не беспокоит ни власть, ни приверженцев советского прошлого, для коих гораздо важнее — эпатажный имидж, а не суть.

И все же факт влияния впечатлений от встреч с туляками на творчество Горького и важность его встреч с Толстым неоспоримы. Надеюсь, настоящая публикация дополнит сведения, содержащиеся в краеведческих изданиях.

---

* ...Неизлечимое заболевание русского народа: надуманная страсть ко всяческим переименованиям. Ошибочным будет считать, что «задатчиками» здесь были пресловутые большевики — притча во языцех нынешних СМИ. Все началось еще при царях. Достаточно вспомнить двойное, в 1812 и в 1914 гг., переименование Санкт-Петербурга в патриотический Петроград... Сейчас на гора́ выдается очередная волна перекрещиваний. И конца этому не будет никогда, увы (прим. ред.).

Юрий Мартишин

(г. Электросталь, Московская область)

А НАШУ ЖИЗНЬ СКЛЕВАЛИ СВИРИСТЕЛИ

Наш постоянный автор.

Стихает осень, скоро холода,
Стремлюсь туда, где никому не нужен.
Опавший лист украсил города.
На кладбище твой памятник простужен.

А мысли вереницей рвутся в бой
И вспоминают лучшее из жизни:
Как мы шуршали поздней листвой.
«Быстрее,— ты говорила мне,— не кисни».

Встречали нас детишки у дверей,
Пища, крича и в игры вовлекая.
Мурлыкал на диване кот Андрей,
И ты была такая молодая.

Стирает дождик на погосте след.
Я просыпаюсь не с тобой в постели.
Другую разбудил на склоне лет.
А нашу жизнь склевали свиристели.

НАЧАЛО

Не ведут что-то в прошлое ноги.
За оврагом в тумане леса.
Я сижу у бескрайней дороги,
Устремив в бесконечность глаза.

Где-то там моей жизни начало —
В деревеньке, в ночной тишине.
Там бабуля в кроватке качала.
Дед, сутулясь, катал на спине.

Эх, любил я зверьком вечерами
Грызть старинную белую печь.

Голубей покормить пирогами,
Под кроватью в дозоре залечь.

Вспоминаю покосы, рыбалки,
Вой слепней, тихий писк комаров,
Мужиков и их вечные пьянки,
И мычанье соседских коров.

Деда Гриша пыхтел вечерами
Папироской на старом бревне.
Подойдут старики с мундштуками —
И давай под дымок о войне.

Обожал я бабулю родную.
Хлебосольной старушка слыла.
Не поев, не уйдешь ни в какую,
Не отпустит — такой вот была.

Что-то грустно от прошлого стало.
Нет на свете моих стариков.
Я сижу, вспоминаю начало
Своей жизни под шепот ветров.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

Я глаза закрываю и вижу
Белый домик за старой ветлой,
Ржавый «вэлик», на нем — деда Гришу:
Едет встретить — приехал малой.

Обнимается, колет щетиной,
Табакон провонял весь, вот жуть.
Говорит, возмужал, стал мужчиной,
Я на раму, толкает — и в путь.

Он глухой и хромает немножко —
Инвалид той великой войны.
Когда песни ревела бомбежка,
Дед — герой сорок пятой весны.

Ему в ухо шепчу: «Спрыгнуть надо?
Тяжело тебе, старый, крутить?»
«Что ты, внучек, ну как же не рада,
Ждет нас бабка, убавь свою прыть».

«Как там Шарик, живой?» — что есть мочи,
Надрываясь, кричу старику!
«Пес твой дома, и тише, короче,
Как петух, кричишь кукареку».

Потихоньку добрались до дома.
Посерел низкий дедушкин двор.
Куры, гуси — как все здесь знакомо,
За деревней поля и простор.

Раскрываю дверь, петли запели.
На пороге — бабуля: «Привет!»
Ее волос белее постели.
Говорит: «Что так плохо одет?»

И что, парень, так пишешь мне мало?
У старухи ведь сердце болит.
Похудел вон, и щечек не стало.
Мы поднимем здесь твой аппетит».

Скрип калитки — и вот в огороде.
После города здесь благодать.
Все цветет в деревенской природе,
Под клубникой земли не видать.

Вот мой песик, дружище лохматый,
Дай-ка лапу и брось, не скули,
Да не прыгай на кошку, зубатый,
Наш заступник. Ну, брат, не шали.

Помню все я, поныне живущий:
Дедов голос и Шарика лай,
Крик бабули, к обеду зовущий...
Деревенское детство, прощай!

Не вернется, ушло без возврата.
Развалилась от молний ветла.
Нет ни дома, ни грядок, ни сада —
Все исчезло, такие дела.

ДЕРЕВЕНЬКА

Деревенька, избы убогие,
Крыши шифером, кот за окном.
За забором бабушки строгие
Разболтались о чем-то быллом.

Свиньи туши засунули в лужи.
Рядом бегают стайка цыплят.
Слепни дергают конские уши.
На березах вороны галдят.

По заулку расплылись коровы,
Раскидав по дороге навоз.

Видно, с детства культурной основы
Им учитель-пастух не донес.

Блеют козочки, крякают утки.
Трактор с треском завелся с утра.
Пес Трезор на цепи возле будки.
На рыбалку спешит детвора.

На ухабистых узких дорожках
Разлеглась, никуда не спеша,
Деревенька в полях и гармошках,
Всей России печаль и душа!

ВОЛЖСКИЕ МОТИВЫ

Рады ветру березки-проказницы,
Дует так, будто гладит рукой.
В кронах голос кукушки-гадальщицы
Разбазарил года над рекой.

Ширь такая, что в чувствах сумятица.
За мечтой пробежал теплоход.
Чайка белая, морю племянница,
Выполняет фигурный полет.

Волга, старая, грузная дамочка,
Вспоминает с седой Костромой,
Как купцов разоряла цыганочка,
И плелись бурлаки бечевой.

Небо — словно картинка красивая.
Берега нарядились в леса.
Жизнь спокойная, неторопливая.
Средняя русская полоса.

СУДЬБА ЖЕНЩИНЫ

Как понять мир людей? Невозможно.
В море судеб — обломки страстей.
Все запутанно, нервно и сложно
В череде городских новостей.

Местный рынок — людская окрошка,
Словно шумный огромный вокзал.
Вот грустит у палатки торгашка,
Муж ей жизнь, словно прутик, сломал.

Искалечил, убил ее веру
В доброту и надежность мужчин.
И ушел по осеннему скверу,
А ведь с нею остался их сын.

Скис супруг, как вино «Изабелла»,
Раздражался нытьем и бельем.
Как она эти муки терпела,
Как хотела остаться втроем!

Он же бросил! Шагал без оглядки
Очень сильный в плечах исполин.
Но на этом не кончились пытки:
Был второй, симпатичный блондин.

И как нравился парень с завода,
Величавый, характер прямой.
Кто же думал, что будет зануда,
Очень желчный, надменный, скупой?

И обратно все снова-здорово —
Полетела судьба кувырком.
Убежал, не сказав ей ни слова,
Взял товар, и к другой прямиком.

Больше замуж она не хотела.
Сын подрос, помогал торговать.
Раскрутилась на рынке, есть дело,
Появились сноровка и статья.

Ночью ласки в угаре хмельного,
Мужики ходят к ней табуном.
Принимает, а что здесь плохого?
Нет семьи — хоть поспать с мужиком.

